

— Не нужно, — Ань Чанцин взял пиалу с кашей, с трудом перебарывая недомогание, сделал медленный глоток и лишь затем произнес: — Мне неважно, да и вдвоем на кровати тесновато. Так что придется князю сегодня поночевать в кабинете.

Сяо Чжигэ промолчал.

Каким бы сообразительным он ни был в военных делах, даже до него дошло: Ань Чанцин разозлился. Сяо Чжигэ, сгорая от недоумения, осторожно всматривался в его лицо, но так и не решился расспросить. Он лишь сухо выдавил: «О».

Допив кашу, Ань Чанцин почувствовал непреодолимую усталость. Он накрылся одеялом с головой и снова погрузился в сон.

Сяо Чжигэ некоторое время жалобно смотрел на него. Дождавшись, пока тот крепко уснет, он слегка приспустил одеяло, чтобы тому было легче дышать, приказал Ань Фу дежурить снаружи, а сам тихонько вышел из комнаты — в войсках его ждала масса дел.

Поэтому, когда военачальники встретились в тот день, они увидели своего генерала с настолько мрачным и тучным лицом, что становилось жутко.

Се Лин, отличавшийся проницательностью, мгновенно придумал предлог и удра. Те Ху, увидав это, тоже поспешил сбежать. А вот Ци Вэй замешкался и был схвачен Сяо Чжигэ, который уволок его на межи полей за городом.

Шел уже пятый месяц, и высаженные ранее зерновые культуры заметно подросли. Из-за поступающей жары на полях трудилось множество крестьян: на коромыслах они таскали ведра с водой и поливали посевы.

Ци Вэй втянул голову в плечи. Хотя он не понимал, зачем Сяо Чжигэ привел его сюда, интуиция подсказывала — ничего хорошего ждать не приходится. Он притих, словно нахохлившийся перепел.

— В этом году зима была суровой, сев затянулся, и к восьмому месяцу, когда придет время жнитва, урожай, скорее всего, будет скудным, — произнес Сяо Чжигэ.

Об этом они знали еще по окончании военных действий, поэтому Ци Вэй искренне не понимал, к чему снова поднимать эту тему. Он недоуменно уставился на князя, ожидая продолжения.

И не прогадал. Сяо Чжигэ продолжил:

— Вторая половина года вряд ли будет спокойной. Нужно придумать, как заставить крестьян посадить больше зерновых на хранение. Иначе выжить в будущем окажется непросто.

Если верить словам Ань Чанцина, начиная с Сучжоу по всем краям прокатится волна восстаний. Ецзин непременно отправит войска на подавление. А уж зная характер императора Аньцина, нетрудно догадаться о его шагах. Сейчас казна пуста. Чтобы подавить мятежи скитальцев-беженцев, нужны войска. Войска — это огромные траты серебра и провианта, а значит, сплошные деньги.

Откуда взять деньги? Только выжать из народа.

Если восстания удастся утихомирить — хорошо, а если нет, то в ближайшие год-два спокойной жизни не видать. Яньчжоу — его оплот, необходимо подготовиться заранее.

Разговор зашел об этом, и Ци Вэй тоже опечалился:

— Все доступные земли мы и так заставили засадить.

Но Яньчжоу находится на севере: климат здесь суровый, земли скудные, да еще и воды не хватает. Вырастить хоть что-то — невероятный труд. Урожайность с одного му значительно ниже, чем на юге. Крестьяне еле-еле сводят концы с концами, чтобы просто не умереть с голоду. Случись неурожайный год или война — и начнется голод. Все эти годы они пытались хоть что-то изменить, но были бессильны.

— Придумайте еще что-нибудь, — мрачным тоном произнес Сяо Чжигэ. Он глубоко посмотрел на него и, повернувшись спиной, добавил: — Вернешься — вместе с Се Лином соберите самых опытных старых земледельцев города и обсудите с ними. Решение должно быть найдено.

Ци Вэй с кислой миной выказал послушание.

Семнадцатого числа пятого месяца праздновался день рождения вдовствующей императрицы. Император Аньцин объявил всеобщую амнистию и празднования по всей стране.

Сяо Чжигэ отправил с гонцом в Ецзин повинную докладную записку вместе с заранее подготовленными подарками, мотивируя свое отсутствие тем, что в Яньчжоу только что утихли бои.

Хотя сам он этого не видел, разведка доносила: пиршество в честь дня рождения вдовствующей императрицы поражало небывалой роскошью. Чтобы снискать ее расположение, императорские сородичи и придворные преподносили подарки, один драгоценнее другого.

Пышность и транжирство Ецзина могли потянуть на половину всех богатств государства Да Е.

Празднования должны были длиться девять дней, однако на пятый день их прервала срочная депеша из Сучжоу: в уезде Канъюн, на границе Сучжоу и Бинчжоу, крестьяне подняли восстание. Всего за полмесяца они собрали почти десять тысяч обездоленных скитальцев, закрепились в районе реки Сышуй и дали отпор правительственным войскам.

Бунты в уезде Канъюн зрели давно.

Сначала уездный начальник отправил людей собирать налог «Фулу». Народу Лянчжоу и без того досталось от снежного бедствия, а из-за беспомощности властей в разрушенных домах замерзло множество людей. Еле пережив зиму, выжившие крестьяне засеяли поля последним семенным зерном, которое берегли ценой собственной жизни, и со дня на день ждали урожая, как вдруг явились солдаты требовать подати.

К тому моменту у крестьян в домах не оставалось ни крошки зерна, они выживали лишь тем, что собирали в горах дикie травы и корни. Теперь от них требовали уплаты налога, заплатить который они просто не могли.

Сборщики налогов оказались людьми вспыльчивыми. В вспыхнувшей стычке солдаты насмерть забили одного из деревенских крестьян. Это вызвало всеобщий гнев: сплотившись, жители деревни повесили четверых или пятерых чиновников-вымогателей на дереве при въезде в деревню.

Опомнившись, крестьяне испугались расправы, но, рассудив, что терять им все равно нечего, подняли знамя бунта.

Подобное происходило не только в этой деревне. Местный уездный начальник поначалу не придавал делу значения и отправил с десятков солдат на подавление, не ожидая, что те снова будут уничтожены. Когда до него дошла вся тяжесть ситуации и он направил донесение наверх, большая часть деревень уезда Канъюн уже всю участвовала в мятеже.

Автор хочет сказать:

Трусишка: Кровать ведь такая большая, совсем не тесно.

Но-но: Я сказал тесно, значит тесно!

Трусишка: ...О (тихонько поджав губы)

Восстание заразительно: стоит кому-то начать, как к нему примыкают все новые и новые обездоленные люди. Будь то ради выживания или ради того, чтобы выплеснуть накопившуюся злобу, доведенный до отчаяния народ поднял мятежные знамена.

Мятежники сперва захватили уездную управу, разграбили дома чиновников уезда Канъюн, а затем отобрали имущество у бесчестных богачей. Благодаря конфискованному зерну и серебру армия мгновенно разрослась. Мятежники были далеко не глупы: они не грабили и не убивали всех подряд, а добропорядочных богачей и вовсе не трогали. Выставив лозунг «Грабь богатых, помогай бедным», они нарекли себя армией «Байдин». За короткий срок они завоевали широкую поддержку народных масс, обретя небывалую силу.

За считанные дни к ним примкнули тысячи беженцев, собрав войско почти в десять тысяч человек. Опираясь на уезд Канъюн, они постепенно распространили свое влияние на весь регион реки Сышуй. Даже из соседней провинции Бинчжоу многие тянулись к ним целыми семьями.

Командующий гарнизоном Сучжоу Шэньту Сюй, проздав об этом, вознамерился немедленно бросить войска на подавление. Однако многие воины сучжоуской армии были местными уроженцами, а их родные и близкие уже состояли в рядах мятежников. Учитывая численность и размах восстания, Шэньту Сюй не решился действовать опрометчиво, и ситуация зашла в тупик. Ему оставалось лишь направить докладную записку в Ецзин.

Император Аньцин, узнав эту новость, пришел в неистовый гнев.

В последнее время он чувствовал бодрость духа. Недавно найденный даос Ляо погадал ему и предсказал, что в этом году государя ждет бедствие. Чтобы отвести беду, требовалось найти близкого человека, который принял бы удар на себя, а также воздвигнуть девяносто девять пагод для молебнов. Тогда бедствие обойдет его стороной, а впереди будут ждать долголетие, процветание и, возможно, путь к бессмертию.

Император Аньцин теперь свято верил даосу Ляо. С годами он становился все боязливее и не смел рисковать собственной жизнью, потому под предлогом молитв о благе Да Е приказал построить девяносто девять пагод ради собственного спасения.

Для строительства пагод требовались деньги и рабочие руки. По причине пустующей казны он под предлогом юбилея вдовствующей императрицы повелел Храму Тайфу ввести дополнительный налог.

И теперь народный бунт в Сучжоу лишь укреплял его веру в слова даоса Ляо: должно быть, это и есть его предначертанное бедствие.

Хотя способ избежать беды уже имелся, император Аньцин все равно сильно перепугался и сразу после завершения утреннего приема поспешил вызвать даоса Ляо. В прошлые дни даос Ляо говорил лишь о постройке пагод, так и не вычислив того близкого человека, что примет на себя удар.

Даос Ляо был старцем старше восьмидесяти лет, которого народ издавна почитал за долголетие. Несмотря на белоснежные волосы и бороду, его глаза лучились пронизательным блеском, а в походке не было и следа дряхлости — напротив, от него веяло возвышенностью и отрешенностью от мирской суеты.

Представ перед императором Аньцином, он сначала сложил руки в поклоне и, не дожидаясь вопросов, неторопливо изрек:

— Ваше Величество, не извольте беспокоиться. Бедный даос уже исчислил судьбы по восьми иероглифам трех принцев. Третий принц обладает благородной судьбой, наиболее близкой к судьбе Вашего Величества, и является самым подходящим человеком для отведения беды.

Император Аньцин сперва обрадовался, но затем заколебался:

— А это отведение беды... не навредит ли моему сыну?

Даос Ляо качнул головой и проговорил:

— Ваше Величество, не переживайте. Третий принц несет в себе драконью ци. Хотя защита принесет ему небольшой урон, при надлежащем уходе и отдыхе это не причинит вреда. Довелось слышать, что третий принц всегда был близок к Вашему Величеству, посему он наверняка пожелает исполнить свой сыновний долг.

Император Аньцин кивнул, однако, вспомнив его слова о «благородной судьбе и драконьей ци», с некоторым сомнением спросил:

— Что даос имел в виду под словами «несет в себе драконью ци»?

Увидев, что тот попался на крючок, даос Ляо слегка улыбнулся и с напущенной таинственностью качнул головой:

— Воля Небес не подлежит разглашению. Бедному даосу не следует говорить лишнего.

<http://bllate.org/book/18381/1767785>